

Протоколы 1977 г. — важный этап развития международного гуманитарного права

Рене Козирник¹

Составление Протоколов 1977 г. — сложный, но успешно завершившийся процесс

Приняв 8 июня 1977 г. два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 г., представители государств, собравшиеся в Женеве, поставили победную точку под сложным четырехлетним процессом переговоров. Работа над Протоколами заняла четыре года, а для Конвенций хватило четырех месяцев. Почему столь значительная разница?

В 1949 г., когда все, что напоминало о войне, уже перестало вызывать инстинктивную реакцию отторжения, естественным образом сложилось общее понимание того, что является главнейшим проявлением зла, которое следует искоренять средствами права. В то же время комплекс норм особо сложного характера, относящихся к ведению военных действий, то есть Гаагское право, тоже входящее в состав международного гуманитарного права, остался за рамками дискуссии. Политическая карта мира в то время была довольно монолитной. Север еще доминировал над Югом, а напряженность во взаимоотношениях между Западом и Востоком не носила обостренного характера.

Работа же над Протоколами началась в совершенно другой обстановке. «Третий мир» восстал против существовавшего порядка, шел процесс деколонизации, и налицо было противостояние «капиталистического» и «социалистического» блоков. Иллюстрацией тому может служить война во Вьетнаме, оказавшаяся болезненной как в политическом плане, так и в смысле злоупотреблений, связанных с ведением военных действий (массированные бомбардировки, пытки и казни без суда и следствия и т. д.). Та же политико-идеологическая конфронтация проявлялась в противопоставлении защиты прав личности и прав коллектива.

¹ Рене Козирник, лицензиат в области права и международной политики, магистр права и дипломатии, является заместителем директора Управления международного права и политики МККК. До вступления в эту должность неоднократно работал на местах и занимал ответственные посты в штаб-квартире, в том числе начальника Юридического отдела.

Статья написана на французском языке.

Именно этим объясняется продолжительность и сложность проведения Дипломатической конференции 1974–1977 гг., а также тем, что это было время напряженных переговоров по военным, гуманитарным, политическим и юридическим вопросам. Так что мы разделяем мнение Джеффри Беста, который считает, что «любой нормативный акт в некоторой степени является политическим процессом»¹. Это тем более верно, когда речь идет о разработке договоров универсального характера, имеющих силу закона и касающихся войны.

Учитывая обстановку того времени, характер затронутых вопросов и стоящих перед разработчиками задач, достигнутый результат можно только приветствовать. Он был неизбежным плодом компромисса и не мог в силу этого в равной степени и во всех отношениях удовлетворить каждое государство, участвовавшее в данном процессе.

Сильные и слабые стороны

Что было сделано для того, чтобы учесть те потребности, которые оказались не удовлетворены Конвенциями 1949 г., а также новые способы ведения военных действий в ходе гражданских и национально-освободительных войн и их последствия в гуманитарной сфере? Были разработаны два договора различного объема — 102 статьи в одном и 28 в другом, но имеющие одинаковую гуманитарную значимость: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). Эти договоры не отменяют Женевских конвенций, но дополняют их, усиливая существующие правила и вводя новые нормы защиты. Главное же состоит в том, что Протоколы добавили целый ряд положений, регулирующих ведение военных действий, к тем существовавшим нормам, которые не получили никакого развития с момента заключения Гаагских конвенций 1907 г.

В начале процесса разработки Протоколов МККК ратовал за симметрию норм, применяемых к внутренним и международным конфликтам². Однако уже на первой подготовительной Конференции правительственных экспертов в 1971 г. Комитету пришлось расстаться с надеждами, которые он питал на этот счет³. Государства не были расположены признать за повстанческими вооруженными силами права и обязанности, адекватные тем, которыми наделяются регулярные войска воюющих государств.

Новые независимые страны, со своей стороны, использовали весь свой вес и добились того, что, когда речь идет о применимости гуманитарных договоров, национально-освободительные движения должны приравниваться

¹ *Geoffrey Best. War and Law since 1945. Clarendon Press, Oxford, 1994, p. 342.* Автор в 1997 г. стал одним из лауреатов премии Поля Рейтера.

² См. «Rapport présenté par le CICR à la XXIe Conférence internationale de la Croix-Rouge» (Istanbul, 1969). — RICR, № 607, juillet 1969, pp. 405–415.

³ См., в частности, *François Bugnion. Le CICR et la protection des victimes de la guerre. CICR, Genève, 1994, pp. 386–387.*

к регулярным вооруженным силам. Именно здесь следует искать истоки столь активно оспариваемого содержания пунктов 3 и 4 статьи 1 Протокола I¹. В этом же состоит причина того, что к концу переговорной фазы Протокол II съезжил-ся наподобие «шагреновой кожи». Когда была решена проблема национально-освободительных войн, осталось не так много сторонников разработки полного и логически последовательного свода норм, применяемых к гражданским войнам. В этом, конечно, заключается слабость, но, к счастью, в результате жертвы все же не остались без правовой защиты.

Достижения Протокола I

Рассмотрим основные нововведения Протокола I. Медицинская помощь жертвам значительно улучшилась в результате распространения особой защиты на гражданский медицинский персонал, гражданские санитарно-транспортные средства и гражданские медицинские объекты. Это служит хорошей иллюстрацией значительного шага вперед, сделанного благодаря Протоколу, ибо он предусматривает расширение общей категории лиц и имущества, находившихся под покровительством Женевской конвенции 1864 г. Кроме того, средства опознавания санитарно-транспортных средств (радиосигналы, радиолокация, акустические средства и т. д.) были приспособлены к новым технологиям.

Второе важное нововведение, входящее, правда, в число вызывающих наибольшие споры, заключается в изменении условий, обязательных для получения статуса комбатанта, а значит и статуса военнопленного в случае захвата в плен. С учетом специфики национально-освободительных войн требование ношения форменной одежды при любых обстоятельствах перестало быть обязательным². Некоторые восприняли это как необходимый шаг, учитывающий реальность. Другие усмотрели в этом достойный сожаления отход от требования к комбатанту отличаться от гражданского населения и размывание различия между ними. Нам кажется, что оба мнения имеют право на существование, поскольку в самом деле существует так называемая серая, или промежуточная, зона, а значит и повышенный риск ошибочных действий и злоупотреблений. Чтобы ограничить этот риск, следует действовать в трех направлениях:

- добиваться строгого выполнения остальных условий, дающих право на получение статуса комбатанта, в особенности обязанности открыто носить оружие во время нападения;
- напоминать о правилах ведения боевых действий, в частности мерах предосторожности, и требовать их соблюдения;

¹ Текст пунктов 3 и 4 статьи 1 Протокола I:

«3. Настоящий Протокол, дополняющий Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны, применяется при ситуациях, упомянутых в статье 2, общей для этих Конвенций.

4. Ситуации, упомянутые в предшествующем пункте, включают вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

² См. статьи 43 и 44 Протокола I.

— неустанно пропагандировать этические нормы, лежащие в основе принципа отличия, чтобы, как справедливо подчеркивал Жан де Пре, воюющие понимали, что «защищая гражданское население... они защищают себя»¹.

Однако настоящий прорыв, совершенный Протоколом, заключается в значительном нормативном развитии в области ведения военных действий, дозволенных средств и методов боевых действий и защиты гражданского населения².

Отныне три основополагающие нормы, касающиеся ведения военных действий, сформулированы с большой четкостью и включены в единый текст договора:

1. «Право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы и средства ведения войны не является неограниченным» (статья 35, пункт 1);
2. «Запрещается применять оружие... и методы ведения военных действий, способные причинить излишние страдания» (там же, пункт 2);
3. Гражданские лица и объекты не должны подвергаться нападению (статьи 48, 50 и 52) — это положение проводит различие между гражданским населением и комбатантами.

Кроме этих трех норм следует упомянуть меры предосторожности, принятие которых стало обязательным как при нападении, так и при обороне (соответственно, статьи 57 и 58). Эти стержневые нормы сопровождаются подробно расписанными правилами применения.

Все это в совокупности составляет одно из трех важнейших достижений международного гуманитарного права со времени Второй мировой войны. Что касается двух остальных, это — Конвенция IV от 1949 г. о защите гражданского населения, оказавшегося во власти противной стороны, и принятие договорных норм, применимых к гражданским войнам (то есть статья 3, общая для Женевских конвенций 1949 г. и Протокола II).

Наконец, еще два нововведения, связанные с этим сводом правил, заслуживают особого упоминания. Во-первых, это норма, обязывающая при разработке или принятии на вооружение новых видов оружия определять, подпадает ли их применение под запрещения международного гуманитарного права (статья 36 «Новые виды оружия»). Во-вторых, это обогащение международного гуманитарного права институтом гражданской обороны, играющим роль конкретного инструмента предоставления защиты и помощи гражданскому населению. Характеристики и задачи гражданской обороны определены в статьях 61–67.

Однако через 20 лет после принятия Протоколов итог развития национальных систем гражданской обороны и их роль остаются скромными. Может быть, это означает необходимость вернуться к данному вопросу.

Последняя важная категория нововведений, содержащихся в Протоколе I, касается механизмов контроля и имплементации. Международное гуманитарное право часто критикуют за слабость механизмов, призванных обеспечить его соблюдение. Критика эта обоснована и служит иллюстрацией того факта,

¹ RICR, № 765, mai—juin 1987, p. 256.

² См. Протокол I, часть III, раздел I «Методы и средства ведения войны», статьи 35–42, и часть IV «Гражданское население», раздел I «Общая защита от последствий военных действий», статьи 48–60.

что это право, соблюдение которого является отчасти добровольным, располагает только теми средствами, которые государства готовы предоставить в его распоряжение. Следовательно, пока члены международного сообщества будут оставаться очень независимыми и с крайней неохотой принимать любые ограничения, навязываемые извне, механизмы его имплементации обречены на несовершенство. Однако это не исключает возможности достижения положительных результатов и не отменяет необходимости продолжать оказывать или даже усилить законное давление со стороны внутригосударственного и международного гражданского общества, что и произошло в 1977 г. Кстати, ряд достижений был отмечен и впоследствии.

Механизмы имплементации

Прежде всего вспоминается статья 7 Протокола I, в которой предусматривается организация совещаний высоких договаривающихся сторон для рассмотрения проблем, связанных с применением Конвенций и Протокола. Исходя из положения статьи 7, Швейцария, являющаяся депозитарием Конвенций и Протоколов, организовала в Женеве с 30 августа по 1 сентября 1993 г. Международную конференцию о защите жертв войны. Эта чрезвычайная встреча, частично заменившая Международную конференцию Красного Креста и Красного Полумесяца, которая не могла состояться с 1986 г.¹, позволила рассмотреть в практическом плане основные проблемы имплементации и рекомендовать меры по исправлению положения².

Далее следует упомянуть, что возросла ответственность командиров. Статья 87 вменяет им в обязанность требовать от подчиненных, «чтобы (они) не допускали нарушений Конвенций и настоящего Протокола и, в случае необходимости, пресекали эти нарушения и уведомляли о них компетентные власти». Это справедливо, хотя и трудно. Однако эта обязанность мало известна и поэтому в недостаточной мере вменяется и соблюдается.

Статьей 90 Дополнительного протокола I в международное гуманитарное право введен новый контрольный механизм: Международная комиссия по установлению фактов. Понятие расследования уже предусматривалось Конвенциями 1949 г., но так и не нашло практического воплощения. Новая Комиссия была учреждена, чтобы компенсировать недостатки системы Конвенций, в частности, сделав обязательным согласие на проведение расследования по фактам, которые, предположительно, представляют собой серьезное нарушение международного гуманитарного права. Комиссия — новый мощный инструмент обеспечения соблюдения международного гуманитарного права, но и он имеет два недочета: во-первых, само по себе присоединение к Протоколу I не связывает государство — ему надлежит сделать специальное заявление о признании компетенции Комиссии. Однако по состоянию на 31 октября 1997 г. из 148 госу-

¹ О роли Конференции см. Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, статьи 8–11.

² См. «Rapport sur la protection des victimes de la guerre» et «Déclaration finale de la Conférence». — RICR, № 803, septembre—octobre 1993, p. 415 et suiv., et p. 401 et suiv. respectivement.

дарств — участников Протокола I только 50 признали компетенцию Комиссии. Так что предстоит еще много сделать в этом направлении. Во-вторых, слабость механизма заключается в его материальной компетенции. Дело в том, что Комиссия может вести расследования только в ситуациях, где применим Протокол I, то есть в рамках международных вооруженных конфликтов. Но большинство недавних трагедий произошли как раз во время гражданских войн или ситуаций насилия смешанного характера. Отсюда необходимость добиваться расширения компетенции Комиссии.

Наконец, четвертое и последнее нововведение, на котором нам хотелось бы остановиться, заключается в расширении перечня действий, квалифицируемых как серьезные нарушения или военные преступления. Их определения содержатся в статьях 11 и 85 Протокола I. В качестве примеров новых военных преступлений можно упомянуть следующие:

- превращение гражданского населения или отдельных гражданских лиц в объект нападения;
- совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы (например, на атомные электростанции);
- депортация или насильственное перемещение населения;
- нападения на памятники, являющиеся культурным или духовным наследием народов;
- лишение права на беспристрастное и нормальное судопроизводство.

Действия, получившие в Протоколах квалификацию преступных, дополняют перечень серьезных нарушений, определенных в Конвенциях. Это является адекватной реакцией уголовного права на самые предосудительные действия, совершаемые во время войны.

Однако все еще мало преступников подвергаются судебному преследованию и наказанию. Прежде всего потому, что государства не выполняют обязанности, возложенной на них Конвенциями и Протоколом, подвергать преследованию всех лиц, совершивших военные преступления, и передавать их компетентным национальным судебным инстанциям¹. Наконец, потому, что в соответствии с договорным правом данные деяния считаются преступными только тогда, когда они совершаются в рамках международных вооруженных или приравняемых к ним конфликтов. Это — серьезный недостаток, учитывая типы современных конфликтов, во время которых совершаются тяжкие преступления.

И все же теория и практика развиваются в направлении универсальной квалификации этих деяний как военных преступлений, независимо от природы конфликта. Судебное постановление по «делу Тадича», которое принял Международный трибунал по бывшей Югославии, стало в этом смысле значительным шагом вперед². Аналогичная тенденция преобладает также в работе Комитета

¹ См. Конвенцию IV, статьи 1, 2, 3 и 146.

² См. решение от 2 октября 1995 г. Международного уголовного трибунала по делам бывшей Югославии «Le Procureur c/Dusko Tadic alias «Dule»: Arrêt relatif à l'appel de la défense concernant l'exception préjudicielle d'incompétence», affaire IT-94-1-AR72, и статью Marco Sassòli. La première décision de la chambre d'appel du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie: Tadic (compétence). — Revue générale de droit international public, janvier—février 1996, № 1, pp. 101–134.

по подготовке к созданию Международного уголовного суда. Чрезвычайно важно добиться, чтобы она получила развитие. В противном случае можно будет говорить о серьезном провале усилий по укреплению механизмов имплементации международного гуманитарного права и о серьезной угрозе дальнейшему развитию МГП.

Протокол II: первый договор, касающийся гражданских войн

Прежде всего следует сказать, что Протокол II хорош уже тем, что он существует. Это суждение никак не умаляет его значимости. В самом деле, попытка впервые добиться заключения всеобъемлющего договора, касающегося исключительно защиты человеческой личности и ограничения применения силы в гражданских войнах (или в немеждународных вооруженных конфликтах), вовсе не была обречена на успех. В этом смысле Протокол II стал прекрасным дополнением к статье 3, общей для всех четырех Женевских конвенций, которая до того времени была единственным существующим положением, применяемым в таких ситуациях.

Однако у медали есть и оборотная сторона: чтобы проект, вынесенный на рассмотрение участников переговоров, был принят на основе консенсуса, его пришлось подвергнуть ряду последовательных «ампутаций»¹. Если вопрос о привилегированном статусе комбатанта был отклонен уже на ранней стадии процесса, нормы, относящиеся к ведению военных действий, оказанию помощи, медицинским функциям и механизмам имплементации, были изъяты только во время последнего дипломатического раунда.

Тем не менее даже в таком усеченном виде Протокол II представляет собой новый и важный этап в деле защиты жертв гражданских войн. Упомянем в этой связи перечень основных гарантий (статья 4), прав лиц, свобода которых была ограничена (статья 5), и судебных гарантий (статья 6), значительно превышающих по своему объему те, которые составляют «неизменяемое ядро» права прав человека².

Глава, касающаяся ведения военных действий, подверглась особенно решительному сокращению, однако принцип запрещения нападений на гражданское население, к счастью, в ней остался (статья 13). Это стало значительным шагом вперед по сравнению с общей статьей 3, которая не защищала гражданских лиц, по крайней мере явным образом, от последствий военных действий. Упомянем также новые чрезвычайно важные нормы о «защите объектов, необходимых для выживания гражданского населения» (статья 14), и о «запрещении принудительных перемещений» (статья 17).

¹ Michael Bothe, Karl Josef Partsch, Waldemar A. Solf. *New Rules for Victims of Armed Conflicts, Commentary on the two 1977 Protocols Additional to the Geneva Conventions of 1949*. Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, 1982, p. 604 suiv.

² См., например, Karel Vasak (éd.). *Les dimensions internationales des droits de l'homme: manuel destiné à l'enseignement des droits de l'homme dans les universités*. UNESCO, Paris, 1978.

Общая оценка

Что касается главных норм поведения, общий результат оказывается весьма положительным. Ценность Протоколов заключается также и в том, что в них отражены многие культуры. Действительно, в их разработке принимали участие все основные мировые державы. Протоколы подвели черту под целым периодом в развитии международного гуманитарного права, который часто подвергался критике за «западоцентризм».

Менее благополучно обстоит дело с механизмами контроля и имплементации, и это отражает недостаточную волю государств соблюдать и всеми средствами «заставлять соблюдать» международное гуманитарное право.

Часто эти тексты критикуют за их чрезмерную сложность. Может быть, это и так, но это не такой уж серьезный недостаток, поскольку ни от офицера, ни от рядового вовсе не требуется, чтобы они воевали, так сказать, со сборником договоров в руках. Как недавно очень верно заметил генерал А. П. В. Роджерс, Протокол I «не может сам по себе быть документом, выдаваемым личному составу. Его, конечно, следует включать в военные уставы, но с разъяснениями, сопоставлениями и практическими рекомендациями. Однако именно он должен составлять основу этих уставов...»¹.

В конечном счете, самый главный вклад Протоколов видится нам в том, что они явным образом подтвердили следующие три основополагающих функциональных принципа международного гуманитарного права, применяемые во всех ситуациях вооруженного конфликта²:

- гуманность: некомбатанты пользуются общей защитой от последствий военных действий; следует проявлять к ним уважение, защищать их и относиться к ним гуманно;
- военная необходимость: военнослужащие и военные объекты могут подвергаться нападению, но причиняемые при этом страдания и ущерб должны, по возможности, сводиться к минимуму;
- соразмерность: когда защита не является абсолютной, следует добросовестно взвешивать требования «гуманности» и «военной необходимости»³.

¹ A. P. V. Rogers. *Law on the Battlefield*; Manchester University Press, Manchester and New York, 1966, p. 156. В 1997 г. автор этой книги стал одним из лауреатов премии Поля Рейтера.

² Принципы, отнесенные к обычному праву в судебном постановлении по делу Тадича, см. сноску 2 на с. 23.

³ По мнению многих авторов, принцип «соразмерности» связан с принципом «военной необходимости» или является его составной частью. Мы предпочитаем их различать, поскольку принцип «соразмерности» касается не только норм, регулирующих ведение военных действий, а основополагающее диалектическое взаимоотношение между «гуманностью» и «военной необходимостью», в свою очередь, не может быть правильно понято без учета фактора «соразмерности». См., в частности, *Eric David. Principes de droit des conflits armés*. Bruylant, Bruxelles, 1994, pp. 205–208.

На пути к универсальности

О чем свидетельствует уровень участия

По состоянию на 31 октября 1997 г. участниками Протоколов I и II являлись, соответственно, 148 и 140 государств. Это ставит их в ряд правовых договоров, получивших самое широкое признание, хотя они пока и не вышли на уровень практически универсального признания Женевских конвенций 1949 г. (188 государств-участников). Однако, учитывая, что Протоколы объединяют почти три четверти членов международного сообщества, уже невозможно представить себе серьезный пересмотр этих договоров.

Чтобы извлечь полезные уроки из состояния дел в области участия государств, следует более детально проанализировать факты и цифры, так сказать, всемирную географию Протоколов. Так какие же выводы можно сделать из ее изучения?

Африка. Один из двух наиболее широко представленных континентов. Правда, несколько крупных африканских стран не являются участниками Протоколов. Это — Эфиопия, Сомали и Судан. Кроме того, две страны, недавно пережившие гражданскую войну, не присоединились к Протоколу II: Ангола и Мозамбик.

Америка. Это континент контрастов. Весь Юг принял Протоколы, на Севере же есть одно крупное государство, отсутствие которого среди участников Протоколов очень заметно — США, и одно участвующее в них государство — Канада.

Азия и Океания. Именно на этот регион приходится наибольшее число государств, не являющихся участниками Протоколов. Однако там есть и обнадеживающие исключения: Австралия, Китай и Вьетнам (только Протокол I).

Европа. В целом континент представлен хорошо, правда, есть и три заметных исключения: Великобритания, Франция (участница Протокола II) и Турция.

Средний Восток и Северная Африка: хороший общий уровень участия в Протоколе I при четырех заметных исключениях: Иран, Ирак, Израиль и Марокко. Некоторые другие страны не присоединились к Протоколу II.

Этот анализ позволил сделать три следующих вывода.

Во-первых, существует группа не участвующих в договорах стран, которые переживают или недавно пережили ситуацию активного или тлеющего вооруженного конфликта.

Во-вторых, у крупных и средних держав, еще не присоединившихся к этим договорам, нет или больше нет серьезных замечаний по содержанию текстов. Так что мотивы их неучастия следует искать за пределами собственно международного гуманитарного права. Они могут быть политическими или стратегическими, либо объясняться, скорее всего, наличием иных приоритетов или административной инерцией.

Наконец, учитывая явную сдержанность стран Азии относительно присоединения, возникает вопрос, следует ли связывать это с позицией держав других

континентов или отнести на счет распространенной подозрительности относительно всех договоров, носящих универсальный характер.

Хотя и в правовых документах, и в самих договорах постоянно напоминает, что международное гуманитарное право не «создает» вооруженного конфликта и не влияет на юридический статус воюющих, многие страны, втянутые в конфликт или находящиеся вблизи зоны конфликта, опасаются присоединиться к Протоколам. Сообществу государств-участников следует удвоить усилия в борьбе против подобных толкований и использовать любую возможность для разъяснения точного места и сферы применения международного гуманитарного права.

По поводу первой группы стран можно сделать и другой, внушающий опасения вывод. Дело в том, что некоторые из них, возможно, не признают договоров, чтобы не оказаться связанными определенными гуманитарными обязательствами, а, может быть, даже для того, чтобы иметь возможность ссылаться на те или иные из них, исходя из своих интересов, или же превращать их в предмет торга. От такой мотивации следует отказаться раз и навсегда.

Что касается великих держав, на них, неоспоримо, лежит серьезная ответственность. Они — своего рода маяки, и именно они посылают сигналы, которым следуют малые страны. Поэтому все, кто убежден, что защита жертв вооруженных конфликтов выиграла бы от всеобщего, безоговорочного, однозначного и свободного от каких бы то ни было двусмысленностей признания Протоколов, должны предпринять энергичные усилия для их пропаганды, а большинство остающихся возражений по существу, возможно, удастся обойти посредством толковательных заявлений и оговорок.

Теория и практика

Несмотря на различные препятствия, возникавшие в период с 1974 г. по 1977 г. на пути переговорного процесса по Протоколам, к концу работы Дипломатической конференции мало кто критиковал ее результаты. Большинство наблюдателей оценивали эти тексты как позитивные и реалистичные. Это мнение разделялось и в США многими из тех, кто в последующие годы иногда обрушивался на Протоколы с резкой критикой¹.

Кульминационный момент периода наиболее острой критики Протоколов, особенно со стороны Франции и США, наступил в 1987 г., когда президент Рейган рекомендовал сенату ратифицировать Протокол II, но не принимать Протокол I². Конечно, военные эксперты составили перечень недочетов практического и редакционного характера, которые, по их мнению, являлись аргументами против ратификации. Однако, если не считать сложного вопроса о запрещении

¹ W. Hays Parks. 1977 Protocols to the Geneva Convention of 1949. — International Law Studies, vol. 68: Readings on International Law from the Naval War College Review, 1978–1994, pp. 467–478.

² См. «Letter of Transmittal from President Ronald Reagan to the Senate of the United States», напечатано в American Journal of International Law, vol. 81 (1987), p. 910, и отклик на него Hans-Peter Gasser. An Appeal for Ratification by the United States, *ibid.*, p. 912 ff.

репрессалий, основные доводы были политико-идеологического характера. Такова была суть утверждений, что включение национально-освободительных войн узаконивало иностранное вмешательство и политизировало международное гуманитарное право, а признание партизан было равносильно разрешению терроризма¹. Что касается Франции, основное открыто высказываемое ею возражение касалось применения ядерного оружия, как это явным образом вытекает из заявления, сделанного в 1984 г. депозитарию в связи с ратификацией Протокола II².

В конце 80-х годов начинает проявляться обратная тенденция. Объяснение следует искать в постепенном ослаблении, а затем и полном развале социалистического лагеря; в потребностях, существующих в зонах проведения операций, и принятой там практике, в частности во время войны в Персидском заливе, в Сомали и бывшей Югославии; в сближении арабских стран с Израилем. В самом деле, когда эти препятствия политического и стратегического характера были полностью или частично преодолены, снова стали видны подлинная природа Протоколов и их истинная ценность.

Тем временем генеральные штабы и юридические службы армий основных западных стран, в частности, Германии, США и Великобритании, в индивидуальном порядке или в рамках НАТО предприняли, останавливаясь на каждой из содержащихся в них норм, новый детальный разбор содержания Протоколов для переоценки их обоснованности и полезности, а также с целью их толкований или принятия возможных оговорок и (или) подтверждения их обычного характера. Это способствовало, в частности, ратификации Протоколов Германией в 1991 г. и изданию соответственно переработанного военного руководства³, включению большинства норм в инструкции для вооруженных сил США⁴ и одобрению Протоколов правительством и парламентом Великобритании в 1995 г.⁵

Деятельность МККК

Действуя в соответствии с мандатом на распространение знаний о международном гуманитарном праве и его имплементацию, которым его наделили го-

¹ См. *Guy B. Roberts*. The New Rules for Waging War: the Case against Ratification of Additional Protocol I. — *Virginia Journal of International Law*, vol. 26, № 1 (1985), pp. 109–170, а также отклик на эту статью *George H. Aldrich*. Progressive Development of the Laws of War: a Reply to Criticisms of the 1977 Geneva Protocol I, *ibid.*, vol. 26, № 3 (1986), pp. 693–720, и того же автора: Prospects for United States Ratification of Additional Protocol I to the 1949 Geneva Conventions. — *American Journal of International Law*, vol. 85, № 1 (1991), pp. 1–20.

² См. *Schindler / Toman*. Droit des conflits armés. CICR et IHD. Genève, 1996, p. 866.

³ *Humanitarian Law in Armed Conflicts*. Manual, ed. by the Federal Ministry of Defence of the Federal Republic of Germany, 1992, и комментарий к нему: *Dieter Fleck* (ed.). The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts. Oxford University Press, 1995.

⁴ *International Law — The Conduct of Armed Conflict and Air Operations*. Air Force Pamphlet, Department of the Air Force, Washington, D. C., 1976 (AFP 110–31), и *The Commander's Handbook on the Law of Naval Operations*, NWP 9A, Department of the Navy, Office of the Chief of Naval Operations, Washington, D. C., 1989.

⁵ *Peter Rowe, Michael A. Meyer*. Ratification by the UK of the 1977 Protocols Additional to the Geneva Conventions of 1949. — *Northern Ireland Legal Quarterly*, vol. 45, № 4 (1994), pp. 343–363.

сударства¹, МККК напоминал основные нормы МГП и требовал их соблюдения в связи со всеми серьезными внутренними и международными вооруженными конфликтами последних лет. Находившиеся в конфликте стороны ни разу не сослались на то, что они не связаны нормами, к соблюдению которых призывал МККК, хотя они и не являлись участниками Протоколов. Это лишний раз подтверждает, что основные нормы Протоколов приобрели обязательную силу, в некотором смысле превосходящую силу самих текстов.

Для иллюстрации этого процесса нам кажется небесполезным прокомментировать три следующие ситуации:

- война в Персидском заливе: международный вооруженный конфликт;
- конфликты в бывшей Югославии: конфликты смешанного характера;
- конфликт в Анголе: немеждународный вооруженный конфликт.

Главные участники войны в Персидском заливе, а именно, Ирак, США, Франция и Великобритания, не являлись участниками Протокола I. Поэтому, стремясь добиться единого понимания норм, которые надлежало применять, а также их соблюдения, МККК 14 декабря 1990 г. направил меморандум всем вовлеченным в конфликт сторонам. В нем он не ограничился напоминанием о необходимости защиты гражданского населения и лиц, вышедших из строя, но и заострил внимание на других соответствующих нормах Протокола I, относящихся к ведению военных действий, охарактеризовав их как «нормы общего характера... признанные обязательными любой стороной, находящейся в вооруженном конфликте»².

¹ См. мандат МККК, как он определен в статье 5 Устава Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

² Отрывок из Меморандума о применимости международного гуманитарного права от 14 декабря 1990 г. — RICR, № 787, janvier—février 1991, pp. 25–26:

«Ведение военных действий: (...)

- право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны, не является неограниченным;
- при любых обстоятельствах должно проводиться различие между комбатантами и военными объектами, с одной стороны, гражданскими лицами и гражданскими объектами, с другой стороны. Запрещается подвергать нападениям гражданских лиц или гражданские объекты или проводить нападения неизбирательного характера;
- должны приниматься все практически возможные меры предосторожности, чтобы избежать потерь среди гражданского населения или причинения ущерба ему или гражданским объектам. От нападения следует отказаться, если, как можно ожидать, оно повлечет за собой потери среди гражданского населения или нанесет ущерб гражданским объектам, чрезмерные по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить.

Что касается использования конкретных видов оружия, в случае вооруженного конфликта надлежит соблюдать следующие нормы:

- применение химического оружия и бактериологических средств запрещается (Женевский протокол 1925 г.);
- нормы права вооруженных конфликтов применяются равным образом к оружию массового уничтожения. (...)

МККК призвал государства, не являющиеся участниками Протокола I 1977 г., соблюдать следующие статьи этого Протокола, вытекающие из основополагающего принципа иммунитета гражданского населения:

- статью 54 о защите объектов, необходимых для выживания гражданского населения;
- статью 55 о защите природной среды;
- статью 56 о защите сооружений, содержащих опасные силы».

В рамках различных конфликтов *на территории бывшей Югославии* МККК играл очень активную роль на их начальной стадии, устанавливая совместно с воюющими своды правил, применимых к различным конфликтным отношениям. В этом существовала необходимость, поскольку, хотя Югославия и была связана Протоколами с 1979 г., возникала неопределенность относительно правопреемства участия в договорах новых государств в процессе их становления, а также самого характера внутреннего или международного — этих конфликтов. Следовало, по крайней мере, определить «неизменяемое ядро» норм, принятое всеми.

Первое из ряда соглашений было заключено между представителями Хорватии и Сербии 27 ноября 1991 г.¹ Данный текст ссылается на все четыре Конвенции и Протокол I. Что касается последнего, в соглашении содержатся конкретные ссылки на статьи с 72 по 79 — об обращении с лицами, оказавшимися во власти одной из сторон в конфликте, статьи с 35 по 42 — о методах и средствах ведения военных действий и статьи с 48 по 58 — о защите гражданского населения. Хотя многие из этих норм нарушались в ходе конфликта, стороны никогда не оспаривали их применимость.

МККК практически постоянно присутствует в *Анголе* с момента провозглашения независимости этой страны в 1975 г. Военные действия, которые велись на ее территории, несомненно, являлись немеждународным вооруженным конфликтом, но приближались к международному из-за вмешательства третьих держав. Следовательно, международное гуманитарное право, применимое к отношениям между правительственными войсками и силами УНИТА, представлено общей статьей 3 и обычными нормами, касающимися гражданских войн. На последнем этапе ожесточенных вооруженных столкновений МККК счел необходимым посредством меморандума от 8 июня 1994 г.² напомнить сторонам применимые гуманитарные нормы.

Этот текст замечателен тем, что в нем, без ссылок на какие-либо другие договоры, кроме Конвенций и их общей статьи 3, содержится довольно полный перечень обычных норм, вытекающих из Протоколов и применимых к немеждународным вооруженным конфликтам. Мы имеем в виду, в частности:

- запрещение допускать к участию в военных действиях детей, не достигших 15-летнего возраста;
- запрещение подвергать нападению гражданское население и гражданские объекты;
- запрещение нападений неизбежного характера и причинения чрезмерного ущерба гражданскому населению и гражданским объектам;
- запрещение разрушать объекты, необходимые для выживания гражданского населения;
- принятие мер предосторожности при нападении и обороне.

¹ Напечатано в *Michèle Mercier. Crimes sans châiment. Bruylant/L.G.D. J., Bruxelles/Paris, 1994, pp. 277–280.*

² См. Приложение.

Интересно отметить, что эти нормы поведения, которые МККК квалифицирует как обычные, считались таковыми уже в Сан-Ремской декларации от 7 апреля 1900 г.¹

Стабильное развитие

Большое число государств, принявших Протокол I, и лишь не намного уступающее ему количество участников Протокола II, а также влияние, которое отдельные нормы Протоколов оказывали и будут оказывать на практику государств, не связанных вытекающими из них обязательствами, позволяют с уверенностью заключить, что в основном эти договоры отражают нынешний уровень универсального обычного права. Учитывая неразвитость договорных норм, применимых к внутренним конфликтам, обычные нормы не могут быть выведены путем непосредственной ссылки на соответствующие договорные нормы. Выводить их следует посредством телеологического толкования принципов и норм общего характера, а также ссылок на договорные нормы, применимые к международным конфликтам. Это свидетельствует как о пользе, так и о ненадежности, внутренне присущей обычным нормам². Эта слабость очевидна в праве, применимом к гражданским войнам. Она присуща, хотя и в меньшей степени, гуманитарному праву, регулирующему международные конфликты.

Одним из аргументов, не без оснований выдвигаемых некоторыми аналитиками, обеспокоенными тем, что США не ратифицируют Протокол I, является опасение, что утвердится «американское» обычное право, несколько отличающееся от договорного права большинства государств. По мнению этих авторов, США могли бы присоединиться к Протоколу I, сделав при этом толковательные заявления и оговорки, которые они сочли бы необходимыми. Учитывая вес США в международном сообществе, эти толковательные заявления и оговорки способствовали бы выработке универсальных обычных правил применения договорных норм, притом таких, которые вписывались бы в единую и внутренне непротиворечивую логику — логику Протокола³. Теодор Мерон идет еще дальше, утверждая, что «США, оставаясь вне Протокола I, возможно, отказываются от исторически сложившейся главенствующей роли, которая им принадлежала в разработке права войны»⁴. То, что Мерон говорит о США, справедливо, на наш взгляд, и для других остающихся в стороне держав. Конечно, мы имеем в виду Великобританию, которая, как мы надеемся, в скором времени

¹ «Déclaration sur les Règles du droit international humanitaire relatives à la conduite des hostilités dans les conflits armés non internationaux». — RICR, № 785, septembre—octobre 1990, pp. 438–442.

² Marco Sassòli. Bedeutung einer Kodifikation für das allgemeine Völkerrecht: mit besonderer Betrachtung der Regeln zum Schutze der Zivilbevölkerung vor den Auswirkungen von Feindseligkeiten. Helbing & Lichtenhahn, Basel, 1990.

³ См. George H. Aldrich. Prospects for United States Ratification of Additional Protocol I to the 1949 Geneva Conventions. — American Journal of International Law, vol. 85, No. 1 (1991), pp. 1–20; Theodor Meron. The Time has Come for the United States to Ratify Geneva Protocol I. — American Journal of International Law, vol. 88, № 4 (1994), pp. 678–686.

⁴ *Idem*, p. 682.

сдаст ратификационную грамоту, но речь идет также, и даже в первую очередь, о таких крупных азиатских странах, как Индия, Индонезия и Япония. Их присоединение к Протоколам имело бы первостепенное значение для достижения стабильности и для придания универсального характера международному гуманитарному праву.

За 20 лет, прошедших с момента их принятия, Протоколы стали реальной силой. Они, несомненно, вошли в состав общего позитивного права. Суть этих норм была реализована на практике, например, странами — участницами коалиции во время войны в Персидском заливе. И все же Протоколам не хватает полной универсальности, необходимой, чтобы это право, регулирующее важную сферу международных отношений в периоды кризисов, приобрело полную силу и авторитетность, которыми оно должно обладать.

Протоколы и другие факторы

Подавляющее большинство тех, кто анализирует современные конфликты или пытается ограничить их отрицательные последствия, придерживаются мнения, что нормы поведения и защиты, содержащиеся в основных договорах по гуманитарному праву, а именно, в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах 1977 г., отвечают насущным потребностям отдельных лиц и населения в целом, затянутых в водоворот современных вооруженных конфликтов. По нашему мнению, эти нормы будут применимы и в будущих войнах, поскольку основополагающие ценности, которые они защищают, носят вневременной характер.

Как же тогда объяснить тот факт, что, несмотря на адекватность этих норм, невыносимых страданий не становится меньше? Ответ на этот вопрос в значительной степени кроется в изменившихся характере и условиях возникновения и протекания вооруженных конфликтов.

В современных конфликтах все меньше проявляются традиционные цели войны, то есть борьба за политическую власть или захват территории. Насилие в основном коренится в следующих явлениях: ослабление власти и государства, экономическое неблагополучие и кризис этнического самосознания. Речь здесь может идти об отсутствии моральных принципов, исчезновении традиционных ценностей и пропаганде исключительности. Эти ситуации сами часто находятся вне правового регулирования. В них не остается или почти не остается места даже для гуманитарного права.

Однако не следует винить в этом международное гуманитарное право. Настоящая проблема заключается в другом — в отсутствии связующего звена между правом и моралью соответствующей группы. Мы присоединяемся к мнению, высказанному Аленом Папо и Аленом Уилером, согласно которому «признание решения, необходимого для стабильности общественной группы, зависит от его восприятия в этосах»¹. Следовательно, именно это должно стать

¹ *Alain Papaux et Alain Wyler. L'éthique du droit international. — Collection Que sais-je?, № 3185, PUF, Paris, 1997, p. 86.*

главной точкой приложения усилий всех тех, кто стремится применять и соблюдать международное гуманитарное право.

Конкретно это может выражаться в следующем:

- пересмотре или реабилитации и поддержке моральных ценностей сообществ, которые потеряли ориентацию;
- поиске возможностей для общения с теми, кто совершает насилие в его новых формах, и для воздействия на них;
- определении универсальных ценностей, выраженных в международном гуманитарном праве, на языке, понятном для этих групп и сообществ;
- просвещении и перевоспитании соответствующих групп и сообществ.

Мы хотели бы считать, что насилие не является неизбежным, и, даже если бы оно и было таковым, его можно обуздать и контролировать. И тут требуются огромные усилия, чтобы привлечь внимание общественности к этой теме, а также проведение воспитательной работы. Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, особенно национальные общества, могут и должны вносить в это все более весомый вклад. Именно в этом состоит смысл основных резолюций, принятых Международной конференцией Красного Креста и Красного Полумесяца в 1995 г.¹

Для этого не нужно изменять само право. Соответствующие меры как бы вытекают из него.

При этом приходится констатировать, что определение традиционных субъектов международного гуманитарного права — властей и отдельных лиц, а также механизмы имплементации, предлагаемые международными договорами и институтами, полностью уже не соответствуют новым участникам конфликтов, особенно неструктурированным группам, а также новым носителям власти, которыми стали гигантские частные экономические и финансовые корпорации.

Кроме того, сфера применения гуманитарных договоров слишком ограничена, чтобы охватить все ситуации вооруженного насилия. Так что защита отдельного лица не одинакова в различных обстоятельствах и зависит от природы насилия.

Вот мы и подошли к заключительным выводам и предложениям, касающимся практических шагов.

Оба Протокола 1977 г. являются важнейшим дополнением к Конвенциям 1949 г. Нормы Женевского права и Гаагского права составляют сегодня единое целое и представляют собой адекватную основу для защиты личности во время войны. Следовательно, мы должны обеспечить Протоколам такую же универсальность, которая была достигнута для Женевских конвенций. Если мы хотим обуздать новых участников насилия, необходимым предварительным условием является хотя бы подтверждение доброй воли со стороны традиционных партнеров, особенно государств, обладающих наибольшим весом.

¹ См. резолюции 1, 2, 4 и 5, принятые XXVI Международной конференцией Красного Креста и Красного Полумесяца. — МЖКК, № 8, январь—февраль 1996, с. 59–81.

Вместе с Протоколами Конвенции образуют единый свод норм поведения. За 20 лет, истекших с момента принятия Протоколов, рост числа государств-участников и применение правил, содержащихся в Протоколах, не связанными этими документами государствами привели к возникновению совокупности обычных норм, которые совпадают с соответствующими договорными правилами. Это обычное право обеспечивает некоторую безопасность в ситуациях, когда с формальной точки зрения договоры не применимы¹. Благодаря Протоколам основополагающие принципы выкристаллизовались и получили подтверждение. Они представляют собой нематериальную основу защиты человеческой личности при любом применении военной силы.

Именно на базе этих достижений возможен прогресс в тех областях, где он так необходим. Мы имеем в виду ситуации насилия, не подпадающие под действие международного гуманитарного права, механизмы имплементации или применимость права для новых участников конфликтов.

Конечно, международное гуманитарное право, в том числе Протоколы, не предотвратили кровопролития в Руанде, бывшей Югославии, Либерии или Чечне. Однако, перефразируя Джеффри Беста², можно сказать, что эти трагические случаи являются скорее не поражением международного гуманитарного права, а несостоятельностью цивилизации. Война может и должна быть поставлена под контроль. В этом и заключается смысл развития, которое международное гуманитарное право получило в Дополнительных протоколах.

¹ *Christopher Greenwood*. Customary Law Status of the 1977 Additional Protocols. — *Humanitarian Law of Armed Conflict: Essays in Honour of Frits Kalshoven*. Nijhoff, Dordrecht/Boston/Leiden, 1991, pp. 93–144, and *Theodor Meron*. Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law. Clarendon, Oxford, 1989.

² *Geoffrey Best*, *op. cit.* (примечание 1), p. 422: «Если неудача в деле ограничения войны означает конец международного гуманитарного права, продолжение ничем не ограниченных войн может означать конец цивилизации».

Международный Комитет Красного Креста

Меморандум о соблюдении международного гуманитарного права в Анголе¹

8 июня 1994 г.

С момента возобновления военных действий в четвертом квартале 1992 г. вооруженный конфликт в Анголе привел к бесчисленным жертвам, в первую очередь среди гражданского населения. Счет убитых, раненых, калек, перемещенных лиц, голодающих, людей, лишенных самого необходимого и потерявших своих родственников, идет на сотни тысяч, если не на миллионы.

Трагическое положение значительной части населения требует расширения беспристрастной гуманитарной помощи для удовлетворения насущных нужд людей во всей стране, независимо от развития политической и военной обстановки.

Международный Комитет Красного Креста (МККК) констатировал, что на всей территории страны регулярно совершается огромное число нарушений международного гуманитарного права, особенно его основополагающих норм.

Будучи пропагандистом международного гуманитарного права и гарантом его соблюдения, МККК считает необходимым напомнить основные нормы и принципы этого права, которые стороны в конфликте между правительственными силами и УНИТА обязаны соблюдать при любых обстоятельствах.

При нынешнем состоянии дел к военным действиям, ведущимся в Анголе, применимы статья 3, общая для четырех Женевских конвенций 1949 г., и обычные нормы, относящиеся к конфликтам немеждународного характера.

Стороны, находящиеся в конфликте, обязаны принять все необходимые меры, чтобы соблюдать самим и заставлять других соблюдать международное гуманитарное право. Речь идет, в частности, о следующем.

I. Защита лиц, не участвующих или прекративших участвовать в военных действиях

Лица, не участвующие или прекратившие участвовать в военных действиях, такие, например, как раненые, больные, пленные, и гражданские лица должны при любых обстоятельствах пользоваться защитой и уважением, независимо от их принадлежности к той или иной стороне:

— гражданские лица не являются источником военной опасности и должны пользоваться уважением, с ними следует обращаться гуманно. В частности,

¹ Текст ранее опубликован не был.

запрещаются посягательства на их жизнь, физическую неприкосновенность и личное достоинство, взятие заложников, казни без суда и следствия, вынесение приговоров без справедливого судебного разбирательства и принудительное перемещение, не оправданное настоятельными соображениями безопасности;

- всех раненых и больных, как военнослужащих, так и гражданских лиц, следует подбирать и предоставлять им уход без какого бы то ни было неблагоприятного различия. В случаях, когда оказание на месте медицинской помощи, необходимой для их выживания, не представляется возможным, организуется их эвакуация, которой необходимо содействовать, если это позволяет ситуация с точки зрения безопасности;
- захваченные комбатанты и лица, сложившие оружие, более не представляют опасности и должны пользоваться уважением. Их следует передавать непосредственному военачальнику. Категорически запрещается убивать таких лиц, их убийство считается преступлением. Жестокое обращение с ними или угроза жестокого обращения, в частности, действия, призванные заставить этих лиц с оружием в руках выступить против стороны, к которой они принадлежали до их захвата, при любых обстоятельствах являются нарушениями международного гуманитарного права;
- с лишенными свободы лицами, как военнослужащими, так и гражданскими, всегда следует обращаться гуманно. Ни при каких обстоятельствах они не должны подвергаться пыткам. Их нельзя содержать вблизи зон ведения боевых действий;
- дети и подростки всегда должны пользоваться привилегированным статусом. Запрещается вербовать лиц, не достигших 15-летнего возраста, и разрешать им принимать непосредственное или косвенное участие в военных действиях.

II. Ведение военных действий

Вооруженные силы не обладают неограниченным правом выбора методов и средств ведения военных действий. При любых обстоятельствах следует проводить четкое различие между гражданскими лицами и объектами, с одной стороны, и комбатантами и военными объектами — с другой:

- запрещается превращать в объект нападения гражданское население и гражданские объекты. Акты насилия и угрозы прибегнуть к насилию, основной целью которых является терроризирование гражданского населения, также запрещаются;
- должны быть приняты все практически возможные меры, чтобы избежать ранений, потерь среди гражданского населения и причинения ущерба ему. Подобные меры предосторожности должны приниматься и при защите от нападения путем установки мин. Гражданских лиц следует ограждать от опасностей, связанных с проводимыми военными операциями. Они никогда не должны использоваться в качестве «живых щитов». Следует ор-

ганизовать или способствовать эвакуации гражданских лиц, когда условия безопасности делают ее необходимой и возможной;

- запрещаются нападения неизбирательного характера на военные и гражданские объекты, равно как и нападения, которые, как можно предположить, попутно вызовут потери среди гражданского населения и причинят ему ущерб, чрезмерный по отношению к ожидаемому конкретному и непосредственному военному преимуществу;
- запрещается использование оружия, боеприпасов и методов ведения войны, которые бессмысленно усугубляют страдания лиц, вышедших из строя, или делают их смерть неизбежной; запрещается отдавать приказ никого не оставлять в живых; запрещается, в частности, применять химическое или бактериологическое оружие, а также яды;
- объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие, например, как склады продуктов питания, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, запрещается подвергать нападению, уничтожать или выводить из строя;
- установки и сооружения, содержащие опасные силы, в частности плотины и дамбы, не должны становиться объектом нападения, особенно если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения.

III. Уважение эмблемы Красного Креста и медицинских функций

Санитарный и духовный персонал, госпитали, лазареты, а также другие медицинские формирования и санитарно-транспортные средства будут пользоваться защитой и уважением. Эмблема Красного Креста, являющаяся символом этой защиты, должна пользоваться уважением при любых обстоятельствах:

- запрещается подвергать нападению госпитали, медицинские формирования и санитарно-транспортные средства, которые надлежит использовать исключительно для оказания или облегчения оказания медицинской помощи. Не допускается их использование для подготовки и совершения враждебных действий;
- надлежит обеспечить свободу передвижения, в которой нуждаются все работники Красного Креста и медицинский персонал, оказывающий помощь гражданскому населению и лицам, вышедшим из строя, и гарантировать их безопасность;
- любое неправомерное использование эмблемы Красного Креста запрещается и должно быть наказано.

IV. Операции по оказанию помощи

Стороны, находящиеся в конфликте, обязаны обеспечить снабжение продуктами, необходимыми для выживания, гражданское население контролируемых ими территорий и разрешить транзитный провоз помощи, предназ-

наченной для населения территорий, находящихся под контролем противной стороны:

- при недостаточной обеспеченности гражданского населения запасами проводятся операции по оказанию помощи, которые носят гуманитарный и беспристрастный характер и осуществляются без какого-либо неблагоприятного различия. Следует разрешать подобные операции, проводимые в той форме, в которой их осуществляет МККК, оказывать им содействие и проявлять к ним уважение;
- персонал, транспортные средства и помещения агентств по оказанию помощи пользуются защитой.

V. Распространение знаний о международном гуманитарном праве

Стороны, находящиеся в конфликте, обязаны удостовериться, что личный состав всех действующих вооруженных сил и военизированных формирований, находящихся под их ответственностью, знает свои обязанности, вытекающие из международного гуманитарного права. Очень важно периодически повторять учебные мероприятия, способствующие соблюдению этих обязанностей.

VI. Роль МККК

МККК, основной функцией которого является предоставление защиты и помощи жертвам вооруженных конфликтов, подтверждает свою решимость с согласия заинтересованных сторон и в меру своих возможностей способствовать соблюдению гуманитарных норм и выполнять обязательства, которые на него налагает международное гуманитарное право.

Женевскими конвенциями 1949 г. предусматривается, что стороны, находящиеся в немеждународном вооруженном конфликте, прилагают усилия к тому, чтобы посредством специальных соглашений ввести в действие все или часть положений международного гуманитарного права, формально не применимых к данной ситуации. Будучи, по определению, нейтральным и беспристрастным посредником, МККК предлагает свои услуги правительству Республики Ангола и движению УНИТА с целью облегчения заключения подобных соглашений, в частности, по созданию санитарных и нейтральных зон, которые позволили бы оградить от последствий военных действий раненых, больных и часть гражданского населения, в особенности представителей самых уязвимых категорий.
